

— Божественный лекарь Лэ уже осмотрел вас, — негромко доложил Е Гуй. — Господин, вам нужно лишь исправно принимать лекарства, и дней через семь-восемь вы полностью поправитесь.

Бай Чэнцзюэ с облегчением кивнул. Тень сделал паузу и продолжил:

— Я прибыл сегодня из-за бедствия в уезде Наньминь. Наводнение никак не отступает, и у стен города уже гибнет множество беженцев.

Чэнцзюэ прикрыл глаза. Помедлив, он повернулся к Е Гую и попытался что-то сказать, но лишь коснулся пальцами горла и тихо, горько вздохнул. Взмахом руки он велел верному слуге продолжать.

— Это дело тесно связано с семейством Чжао, — продолжил Е Гуй, понизив голос. — Чжао Цзинь — советник трёх династий, нынешний верховный маршал. В совете министров только первый министр Су решается ему противостоять, не говоря уже о том, сколько чиновников замешано в этой паутине. Су подал прошение о расследовании дела о хищении средств для помощи пострадавшим, но в нынешних обстоятельствах Его Величество отклонил его. Более того, на совете он прямо указал, чтобы улаживать дела в Наньмине отправились именно вы, господин.

Бай Чэнцзюэ ненадолго задумался, а затем одними губами произнёс:

— Найди повод за сутки. Сяо Муцзы должен быть выслан за пределы страны.

— Слушаюсь.

— Дела при дворе пусть подождут ещё три дня. Сейчас я связан по рукам и ногам.

За дверью слышались шаги, и хозяин со слугой мгновенно замолчали. Когда Сюэ Бэйван отворил дверь и вошёл в комнату, Е Гуй демонстративно вздохнул и отступил на пару шагов назад, освобождая дорогу.

В руках Бэйван держал пиалу с дымящимся отваром. Увидев, что Бай Чэнцзюэ пришёл в себя, он невольно замер.

Чэнцзюэ дважды постучал пальцами по краю кровати и с немым вопросом посмотрел на юношу.

Е Гуй тут же пришёл на помощь:

— Цзюэюй спрашивает, что с вами?

Сюэ Бэйван поднял глаза и виновато улыбнулся:

— Да ничего. Вот, принёс тебе лекарство, напоить хочу.

Он подошёл ближе и сел на край постели.

Бай Чэнцзюэ склонил голову набок, всматриваясь в его лицо. Глаза Бэйвана были красными и влажными, а во взгляде сквозила растерянность. Нахмурившись, Чэнцзюэ снова постучал по дереву постели, заставляя парня посмотреть на себя, а затем мягко коснулся прохладными пальцами его припухших век.

«Ты плакал?» — безмолвно спросили его губы.

Сюэ Бэйван, заметив это движение, почувствовал, как к горлу подкатил горький ком. Пальцы, сжимавшие пиалу, задрожали.

— Лекарь сказал... — голос его сорвался. — Ты больше никогда не сможешь говорить.

Бай Чэнцзюэ едва заметно нахмурился и метнул ледяной взгляд на стоявшего у двери слугу. Е Гуй в ответ лишь беззвучно ответил одними губами: «Ради общего дела».

Чэнцзюэ стиснул зубы. Сейчас он и впрямь не мог издать ни звука и никак не мог доказать Сюэ Бэйвану, что это лишь временный недуг.

Ложь — штука опасная: стоит лишь однажды поддаться ей, и остановиться уже невозможно.

Заметив, как помрачнел его любимый, Сюэ Бэйван сокрушённо опустил голову:

— Прости меня... Всё из-за моей глупости! Не защити ты меня тогда, этого бы не случилось!

Чэнцзюэ тихо вздохнул и осторожно коснулся уголков губ юноши, заставляя его улыбнуться. Даже если бы он действительно навсегда лишился голоса, он бы не стал никого винить. Если сам выбрал этот путь и сделал шаг, к чему пустые сожаления и обиды?

Тем более что немота его была временной.

Поняв, что Бэйван упрямо прячет глаза, Бай Чэнцзюэ перехватил его запястье, придерживая пиалу с отваром, и, подавшись вперёд, мягко приник к его горячим губам. Посудина едва не выскользнула из дрожащих пальцев юноши, но Чэнцзюэ вовремя успел придержать доньшко, не дав горькому лекарству пролиться на постель.

После этого мимолётного, лёгкого прикосновения Сюэ Бэйван вздрогнул и растерянно поднял взгляд, крепче обхватив пиалу обеими ладонями.

— Цзюэ... Цзюэюй...

«Я здесь», — беззвучно отозвался Чэнцзюэ.

Сюэ Бэйван сжал губы и взгляделся в спокойные, глубокие глаза мужчины. Молчание затянулось на несколько мгновений, прежде чем он глухо выговорил:

— Почему ты заботаешься обо мне даже теперь, когда сам так пострадал? Если бы не я, с тобой всё было бы хорошо... — В его глазах снова блеснули слёзы. Закинув голову, он сделал судорожный вдох и спросил надтреснутым от волнения голосом: — Скажи, неужели ты совсем меня не ненавидишь?

Чэнцзюэ мягко, едва заметно улыбнулся.

«За что мне ненавидеть тебя? Ты ведь так оберегал меня», — одними губами, медленно выговаривая каждое слово, произнёс он. Боясь, что юноша не разберёт его немую речь, он терпеливо повторил фразу ещё раз.

В то же мгновение Сюэ Бэйван отставил лекарство на столик и крепко прижал Чэнцзюэ к себе. Уткнувшись лицом в его плечо, он беззвучно разрыдался — сквозь тонкую ткань домашней рубахи Чэнцзюэ ощутил тепло его слёз. Надо же, этот упрямый мальчишка принимает его недуг так близко к сердцу...

Поглаживая Бэйвана по спине и пытаясь его успокоить, Чэнцзюэ ласково обнял его в ответ, а сам сердито зыркнул на притаившегося в углу Е Гуя.

Почувствовав на себе этот убийственный взгляд, Тень неловко кашлянул и поспешил вмешаться:

— Брат Сюэ, не стоит отчаиваться. Болезнь Цзюэюя не безнадежна. Мне известно, что в сокровищнице поместья князя Миня хранится редкое чудодейственное снадобье. Если раздобыть его, возможно, у него появится шанс вновь обрести голос.

Чэнцзюэ почувствовал, как Сюэ Бэйван в его объятиях мгновенно напрягся.

— Снадобье? — глухо переспросил юноша. — Точно есть надежда?

— Да, — подтвердил Е Гуй. — Но пробраться в резиденцию князя Миня сейчас, когда за вами охотятся, — безумие. Цзюэюй лишь лишился голоса, он жив. Брат Сюэ, не нужно ради этого

лезть в петлю.

Выслушав слугу, Чэнцзюэ мысленно одобрил его находчивость. Это был идеальный повод отправить Сюэ Бэйвана подальше и обезопасить его. Дела при императорском дворе требовали его немедленного вмешательства — затягивать дальше было нельзя. Из-за личных чувств и потакания собственным слабостям интрига вокруг князя Чжао уже едва не сорвалась.

Если расследование бедствия в Наньмине пойдёт прахом, враги непременно воспользуются этим, сославшись на «гнев небес», и поставят под удар трон малолетнего императора Бай Яньцю. Если из-за его эгоизма с мальчиком что-то случится, Чэнцзюэ до конца своих дней не простит себе этого предательства. С какими глазами он предстанет в посмертии перед покойным наследным принцем, который когда-то доверил ему самое ценное?

Сюэ Бэйван поспешно отстранился и утер слёзы рукавом, пытаясь вернуть лицу мужественное выражение. Он ободряюще сжал плечи Чэнцзюэ, и в его покрасневших глазах вспыхнула робкая надежда:

— Ты слышал? Слышал, что он сказал? У нас есть шанс!

Чэнцзюэ изобразил на лице крайнее изумление и слабо потянул юношу за широкий рукав, словно умоляя не совершать глупостей.

Бэйван мягко накрыл его ладонь своей и негромко произнёс:

— Я так хочу снова услышать, как ты зовёшь меня по имени.

Чэнцзюэ медленно опустил руку и до боли сжал пальцами край одеяла. На его губах застыло безмолвное, горькое согласие:

«Хорошо».

Пожалуй, за всю свою жизнь он впервые чувствовал такую щемящую, невыносимую вину за то, что вынужден лгать.

<http://bllate.org/book/18210/1753323>